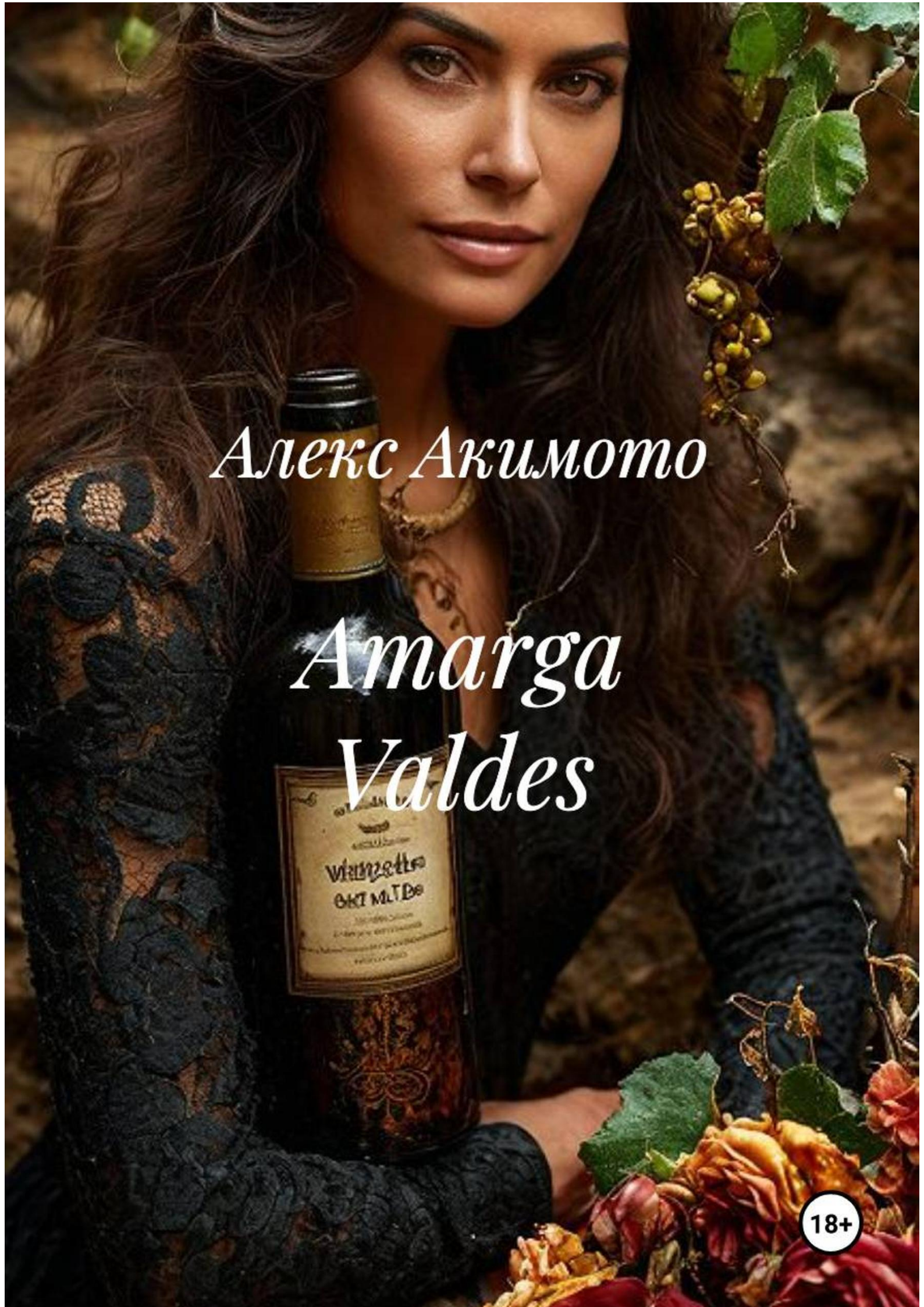

A woman with long, dark, wavy hair is looking directly at the camera. She is holding a bottle of Amarga Valdes wine. The bottle has a dark, textured label with gold lettering that reads "Amarga Valdes". The background is a vineyard with green leaves and clusters of yellow grapes. The lighting is soft and natural.

Алекс Акимото

*Amarga
Valdes*

18+

Алекс АКИМОТО

Amarga Valdes

«Автор»

2026

Акимото А.

Amarga Valdes / А. Акимото — «Автор», 2026

«Amarga Valdes» — роман о вине, которое помнит всё. Исабель Вальдес тридцать лет не возвращалась в родной дом. Однажды ночью в её погреб в Мендосе появляется бутылка без этикетки. В ней — вино, которое показывает не прошлое, а будущее. В нём — нож, который через год войдёт ей в спину. Она возвращается в Андалусию. Отец умирает. Мать поёт песню, которую нельзя допеть: последняя нота — это имя. Брат сжигает виноградник. Дочь находит под лозой детскую кость. Подвалы хранят скелеты. И все молчат. Но правда, как вино, требует пробки. Исабель решает не мстить и не бежать. Она сделает из этой правды вино. И продаст его тем, кто хочет попробовать чужую боль. Потому что каждый, кто пьёт из любопытства, находит в бокале собственную смерть.

© Акимото А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вино, которое помнит всё	5
Глава 1. Бутылка	7
Глава 2. Перелёт	9
Глава 3. Дом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Amarga Valdes

Вино, которое помнит всё

ПРЕДИСЛОВИЕ Эта книга родилась из тишины. Не из той тишины, которая успокаивает. Из той, которая давит. Которая длится десятилетиями, въедается в стены, прорастает сквозь фундамент, превращается в вино, которое невозможно открыть, но невозможно не выпить. Я не знаю, что привело тебя сюда. Может быть, ты ищешь ответы на вопросы, которые боишься задать вслух. Может быть, ты сам носишь в себе бутылку без этикетки. Может быть, ты просто любишь истории, которые пахнут землёй и правдой. «Amarga Valdes» — это роман о семье, которая молчала слишком долго. О земле, которая помнит всё. О вине, которое не прощает. О правде, которую нельзя произнести — её можно только выпить. Это не книга для тех, кто ищет лёгкого чтения. Это книга для тех, кто готов войти в дом, где стены помнят каждый шёпот. Где каждый глоток — это шаг в прошлое. Где каждое имя — это смерть. Но это также книга о том, что даже самая тёмная правда может стать светом. Что горечь можно переплавить в силу. Что кости под корнями — это не конец, а начало. Я не знаю, кто ты. Но если ты дочитаешь до конца — значит, ты не отвернулся. И это уже много. **Алекс Акимото**

ПРОЛОГ Ночь в Мендосе пахла не виноградом. Она пахла тем, что лежит глубже корней: влажной, тяжёлой землёй и старым железом. Кости давно истлели, превратившись в минералы, но лоза помнила всё. Она тянула соки из того, что было зарыто тридцать лет назад и никогда не должно было быть найдено. Исабель сидела в погребке одна. Свеча на столе вздрагивала от сквозняка, ползущего ледяными пальцами из-под каменных плит. Пламя то вытягивалось в синюю нить, то опадало, роняя капли горячего воска на дуб столешницы. Воск застывал белыми слезами, наслаиваясь одна на другую — как годы молчания. Исабель не видела костей под ногами. Но чувствовала их. Низкочастотную вибрацию чужой смерти, застрявшую здесь на три десятилетия. Она ощущала эту вибрацию позвоночником — тем местом между лопаток, где кожа всегда холоднее остального тела. На столе стояла бутылка без этикетки. Её доставили сегодня. Курьером DHL. В картонной коробке, обмотанной скотчем в три слоя. Ни письма. Ни записки. Только чёрная промасленная ткань, обернувшая стекло так плотно, словно её использовали для полировки стволов перед выстрелом. Когда Исабель развернула свёрток, пальцы ощутили под тканью нечто большее, чем просто стекло. Бутылка пульсировала. Едва заметно. Как спящее сердце. Она провела кончиками пальцев по поверхности. Тёмное, почти непрозрачное стекло казалось мёртвым и тяжёлым — оно поглощало свет свечи, ничего не отдавая взамен. Холод проник сквозь подушечки пальцев, пополз по суставам вверх, к запястьям. Исабель не могла отвести руку. Сквозь старую пробку просачивался запах. Слабый. Едва уловимый. Почти невесомый. Но ноздри расширились спазмом раньше, чем мозг успел отдать приказ. Горло сжалось рефлекторно. На языке появился вкус железа — такой острый, будто она прикусила щеку изнутри до крови. Она взяла штопор. Рука дрожала — не от страха, от напряжения. Пальцы казались чужими, онемевшими от аргентинского холода. Она вкручивала медленно, с физическим усилием — словно открывала дверь склепа, запертую на засов целую вечность. Металл скрипнул, входя в плотное дерево пробки. Звук был влажным, чавкающим. Как разрыв живой ткани. Пробка вышла беззвучно. Не хлопок. Не шипение. Просто отсутствие. Как задержанное дыхание мира, которое наконец вырвалось наружу. Из горлышка не пахло вином. Оттуда ударил воздух — сухой, как андалусийский зной, и ледяной одновременно. Запах мокрого гранита, старой крови и чего-то сладковато-гнилого. Как подвяленный виноград, который начал разлагаться, но не до конца. Исабель налила вино в бокал. Жидкость была чёрной. Густой. Маслянистой. Она не стекала по стенкам хрусталя — она ползла. Тяжело. Неохотно. Как расплавленный обсидиан. Свет

свечи умирал в её глубине. Исабель поднесла холодную кромку к губам. Стекло обожгло кожу — не теплом, отсутствием тепла. Абсолютным нулём. Она закрыла глаза. — За твоё здоровье, папа. И выпила. Глоток прошёл по пищеводу и обжёг холодом — не огнём алкоголя, а сухим льдом абсолютной правды, которая не знает сострадания. Вино растеклось по языку, оставляя следы. Сначала железо и соль. Потом горький миндаль. Потом что-то сладкое, почти приторное — как цветущий миндаль в апреле, когда Андалусия взрывается белым цветом. А затем — тишина. Внутренняя. Глубокая. Как падение в колодезь. Мир изменился не сразу. Сначала пришла вибрация в зубах. Потом — слепота. Исабель закрыла глаза и увидела не прошлое. Будущее. Андалусия. Белая раскалённая земля, трескающаяся от зноя. Жёлтое солнце, выжигающее сетчатку. Красные гроздья, налитые густой жизнью. Она стоит между рядами совершенно одна. Без Эмили. Без Рафаэля. Без Томаса. Зной сушит кожу до состояния пергамента. Но в спине, точно между лопатками, пульсирует ледяная точка. Там, куда через год войдёт нож. Она знала это. Точка пульсировала в такт сердцу. Холодная, как та бутылка в Мендосе. Ни боли. Ни страха. Только абсолютное узнавание неизбежного. Исабель открыла глаза. Пальцы разжались сами собой, потеряв чувствительность. Бокал выскользнул из ослабевшей ладони, тяжело ударился о дуб столешницы, покатился по полированному дереву, замер у самого края — чудом не разлетевшись вдребезги. Вино расплескалось, оставив на дубе чёрное маслянистое пятно. Она смотрела на это пятно долго. Оно не впитывалось. Оно лежало на поверхности. Как зрачок, смотрящий на неё в ответ. Исабель поставила бокал ровно. Не заплакала. Не закричала. Слезы и крики были для тех, кто может позволить себе роскошь слабости. Просто сидела в погребу, глядя на догорающую свечу и пустую бутылку, пока ночь Мендосы входила в открытую дверь подвала — влажным, тяжёлым дыханием. Воздух пах теперь иначе. Землёй. Чернозёмом. Тем самым, который помнил. Будущее нельзя изменить. Но его можно отложить. Как делает вино: терпеливо, молча, выжидая в темноте, пока не придёт тот, кто выпьет, увидит и не отведёт взгляд. Исабель не знала, кто она теперь. Но знала точно: она не отвернулась. *Продолжение следует...*

Глава 1. Бутылка

Ночь в Мендосе пахла не виноградом. Она пахла тем, что лежит глубже корней: влажной, тяжелой землей и старым железом. Кости давно истлели, превратившись в минералы, но лоза помнила всё. Она тянула соки из того, что было зарыто тридцать лет назад и никогда не должно было быть найдено. Исабель сидела в погребке одна. Свеча на столе вздрагивала от сквозняка, ползущего ледяными пальцами из-под каменных плит; пламя то вытягивалось в синюю нить, то опадало, роняя капли горячего воска. Исабель не видела костей под ногами, но чувствовала их подошвами ботинок — низкочастотную вибрацию чужой смерти, застрявшую здесь на три десятилетия. На столе стояла бутылка без этикетки. Доставили сегодня курьером DHL: ни письма, только черная промасленная ткань, обернувшая стекло так плотно, словно её использовали для полировки стволов. Исабель развернула сверток. Тёмное, почти непрозрачное стекло казалось мертвым и тяжелым, оно поглощало свет свечи, ничего не отдавая взамен. Сквозь старую пробку просачивался запах — слабый, едва уловимый, но ноздри расширились спазмом раньше, чем мозг успел отдать приказ. Горло сжалось рефлексивно. На языке появился вкус железа, такой острый, будто она прикусила щеку изнутри до крови. Она взяла штопор. Пальцы казались чужими, онемевшими от аргентинского холода, суставы ныли тупой болью. Вкручивала медленно, с физическим усилием, словно открывала дверь склепа, запертую целую вечность. Металл скрипнул, входя в плотное дерево. Пробка вышла беззвучно — как задержанное дыхание мира, которое наконец вырвалось наружу. Вино в бокале было чёрным, густым, маслянистым; оно съедало фотоны света, превращая хрусталь в сосуд с жидким вакуумом. Исабель поднесла холодную кромку к губам. — За твоё здоровье, папа. И выпила. Мир изменился не сразу. Глоток прошёл по пищеводу и обжёг холодом — не огнём алкоголя, а сухим льдом абсолютной правды, которая не знает сострадания. Исабель закрыла глаза и увидела не прошлое. Будущее. Андалусия. Белая раскаленная земля, трескающаяся от зноя, жёлтое солнце, выжигающее сетчатку, красные гроздья, налитые густой жизнью. Она стоит между рядами совершенно одна. Без Эмилии, без Рафаэля, без Томаса.

Зной сушит кожу до состояния пергамента, но в спине, точно между лопатками, пульсирует ледяная точка — там, куда через год войдет нож. Ни боли, ни страха. Только абсолютное узнавание неизбежного. Пальцы разжались сами собой, потеряв чувствительность. Хрусталь выскользнул, тяжело ударился о дуб столешницы, покатился, замер у самого края, чудом не разлетевшись вдребезги. Она поставила его ровно. Не заплакала. Не закричала. Просто сидела в погребке, глядя на догорающую свечу и пустую бутылку, пока ночь Мендосы входила в открытую дверь подвала. Будущее нельзя изменить. Но его можно отложить. Как делает вино: терпеливо, молча, выжидая в темноте, пока не придёт тот, кто выпьет, увидит и не отведет взгляд. Исабель достала телефон.

Пластик корпуса был липким от пыли погреба. Набрала номер, который знала наизусть, но не трогала тридцать лет. Гудки тянулись, как тишина между ударами секатора по живой древесине. — Исабель. Не вопрос. Утверждение. Голос Кармен звучал так, будто они расстались вчера. — Приезжай. — Ровно, без эмоций, как констатируют факт вскрытия. — Отец умирает. Вино ждёт не его. Тебя. Ждёт с того дня, как ты уехала. С того дня, как я промолчала. Тридцать лет. Оно ждало тебя. Исабель долго молчала, глядя в тьму погреба, где тени от свечи плясали на сводах, напоминая танцующих мертвецов. Ей не было страшно. Страшно было последние тридцать лет в Буэнос-Айресе. — Я приеду. Она положила трубку. Ночь, виноградники Мендосы, силуэт Анд на горизонте. Луна висела низко, тяжелая, беременная дождем. *Я возвращаюсь, подумала она. Не домой. Дом — это не место. Дом — это люди, которые дышат, пьют, помнят и отпускают одновременно. До этой ночи. До этого вина. До этого глотка, который*

привёл меня сюда, в тишину, оказавшуюся не пустотой, а настоящим домом. Этот дом я понесу с собой через океан. Не стены — тишину.

Глава 2. Перелёт

Самолёт пробивал ночное тело Атлантики. Внизу зияла память без дна. Правда без конца. Молчание матери, которое длилось тридцать лет, пульсировало в этой темноте плотной, осязаемой массой. Эмилия спала вполглаза в кресле бизнес-класса рядом. Шнур от наушников змеился по черному кашемиру свитера — такому же черному, как волосы Исабель. Эмилия носила отцовские глаза. Зеленый лед человека, которого она никогда не видела. Которого Исабель ни разу не назвала вслух даже шепотом. Он был тенью. Плотным отсутствием за спиной. Тридцать лет он ждал. Терпеливо. Молча. Ждал того, кто обернется. И увидит. И не отведет взгляд. — Мама, — голос Эмилии прорезал монотонный гул турбин. Она стянула один амбушюр, выпадая из своего плейлиста в реальность. — Почему ты плачешь?

Исабель коснулась щеки кончиками пальцев. Кожа была влажной и холодной, несмотря на сухой жар вентиляции над головой. Это были не слёзы. Соль на лице появлялась иначе — когда возвращаешься туда, откуда сбежал, понимая, что мосты сожжены дотла. Когда осознаешь: та женщина, что купила билет до Мадрида тридцать лет назад, умерла над океаном час назад. Сюда садится другая. Та, что выпила из бутылки. Та, что увидела нож. Та, что не отвернулась. — Я не плачу, — сказала Исабель. Голос сел, осыпался сухой андалусийской землей. — Я вспоминаю кожей. Это разные вещи. Эмилия смотрела на мать так, как смотрят на стекло перед броском — оценивая толщину, точку удара и неизбежность осколков.

Двадцать пять лет достаточно, чтобы научиться читать микромоторику материнского лица лучше, чем таблицу умножения. Достаточно, чтобы знать: мать сейчас оплакивает не прошлое. Мать оплакивает будущее, наложенное поверх прошлого прозрачным слоем цианида. Как вино. Которое хранит сок раздавленного винограда и предсказывает вкус погребя. В одном глотке. В одной капле, стекающей по стенке бокала. — Куда мы летим? — спросила Эмилия, возвращая наушник на место. Звук её голоса сразу стал глухим, ватным, отрезанным от мира. — Домой, — выдохнула Исабель. Слово легло на язык куском ржавого металла, чужеродным и горьким. Язык забыл этот привкус, но кровь помнила. Глоток вина обжигает горло спустя десятилетия не потому, что алкоголь силен. А потому что правда не выдыхается. В семье Вальдесов ничто не выветривается. Самолёт шел сквозь ночь. Исабель смотрела в пластиковый иллюминатор, покрытый тонким слоем инея, но вместо облаков видела Андалусию.

Белую землю, выжженную добела. Желтое солнце, способное вскипятить ртуть в градуснике. Красные гроздья, налитые густой, тяжелой жизнью. Дом на холме ждал. Не отца. Не Томаса. Вино ждало. Терпеливо. Молча. До тех пор, пока не придет тот, кто способен удержать в себе эту тишину, не расплескав. Голова Эмилии скатилась на плечо Исабели. Дыхание стало глубоким, детским. Ровным. Так дышат те, кому еще не показали дно их собственной крови. Это правильно. Ребенок не должен видеть форму ножа до того, как возьмет его в руки. Пока не придет время. Пока не придет первый осознанный глоток, который свяжет зрение с позвоночником навсегда. Исабель смотрела на ресницы дочери. Они отбрасывали густую синюю тень на скулы. Губы чуть приоткрыты — как у человека, балансирующего на грани вдоха. Между тем, что уже прокисло, и тем, что ещё даже не забродило. И Исабель приняла решение. Она не скажет ей. Ни сегодня. Ни завтра. Может быть — никогда. Потому что правда — это концентрат. Его пьют по каплям. Допить бутылку залпом

— значит сгореть изнутри заживо. Исабель не хотела хоронить дочь. Не после того, что увидела в своем бокале. В той черной, густой темноте, которая теперь жила под её ребрами. И никуда оттуда не собиралась. Самолёт летел. Над водой. Над жизнью. Над смертью, которая ждала их не в конце пути. Она сидела прямо здесь. В первом вздохе Эмилии, когда та родилась. В том самом мгновении, когда человек делает первый вдох и еще не знает, что просто подписал

договор аренды тела, внутри которого всегда бродит чья-то чужая, старая тоска. До этого дня. До этого перелета. До этого решения молчать.

Глава 3. Дом

Дом Вальдесов стоял на вершине холма. Белый известняк, выбеленный солнцем до состояния кости. До состояния соли. До состояния праха, который остается, когда огонь съедает всё лишнее, оставляя только суть. Виноградники спускались к реке Санзон неровными террасами, похожими на шрамы на теле земли. Оливковые деревья караулили границы владений, стоя слишком близко друг к другу. Они не спали. Не старели. Не прощали ошибок. Просто стояли. Вечно. Как всё в Андалусии. До тех пор, пока ворота не открываются. Такси кашлянуло глушителем и затихло. Асфальт плавил подошвы ботинок даже сквозь толстую кожу. Небо било по глазам пронзительной, хирургической синевой. Такой же синий цвет хранился в радужках Кармен. Память цвета абсолютна. В семье Вальдесов не бывает цветовой слепоты. Земля помнит шаги каждого, кто ступал по ней.

Кровь помнит вину. Вино помнит каждую слезу, упавшую в чан. Тот, кто возвращается через тридцать лет, приносит всю эту память обратно в своих легких. Эмилия вышла рядом. Втянула ноздрями воздух, смешивающий запах дорожной пыли, диких трав и чего-то сладковато-гнилого. — Красиво, — сказала она. Красиво. Слово туриста. Слово прохожего с путеводителем. Исабель почувствовала ртом привкус пыли, миндаля и озона. Видела не глазами — сетчаткой собственного страха. Дом не был красивым. Дом был открытой раной, которую заставили затянуться коркой запекшейся крови. Знакомым, как старый шрам. Как голос мертвеца в телефонной трубке. Как глоток вина, который напоминает: ты пыталась сделать вид, что кожи нет. Но кожа осталась. И она всё чувствует. Всегда. Калитка дрогнула. Петли не скрипнули — они застонали. Низко. Уробно. Как всё в доме Вальдесов. Время здесь двигалось не по стрелкам часов, а по уровню сахара в ягодах. Не раньше. Не позже. Сейчас.

В ту секунду, когда каблуки Исабели коснулись пыльного гравия двора. Когда солнце дошло до зенита и перестало двигаться, зависнув белой дырой над черепицей. Когда виноград налил свинцом. Первым вышел Рафаэль. Высокий. Сплошной массив острых углов и седины на висках. Холодная сталь вместо белков глаз. Он не раскрыл объятий. Не произнес приветствия. Он сканировал пространство между ними оптикой хищника. Оценивал угрозу. Не женщину. Врага, вернувшегося на свою территорию претендовать на наследство. Тридцать лет ожидания легли на его плечи бетонной плитой. И плита эта стала только тяжелее от её приезда. — Ты приехала, — сказал он. Констатировал факт смерти или уплаты налога. Без интонаций. Без воздуха в легких. — Приехала, — ответила Исабель в унисон. Два камня трутся друг о друга. Искры есть, тепла — нет. Факты не обсуждают. Землю не просят прощения за землетрясение. Кровь не спрашивает разрешения свернуться. Рафаэль перевел оптику на Эмилию. Сканирование продолжилось. Переменная. Риск-фактор. Незапланированная перемена в рецептуре. Эмилия выдержала взгляд отца.

Позвоночник прямой, подбородок чуть вздернут. Женщины Вальдесов не опускают веки первыми. Отвести взгляд — значит признать наличие тени. Признать страх. А они носят свои тени внутри себя. Как скелеты. Потом шагнул вперед Томас. Мягкий раствор, скрепляющий твердые камни семьи. Ниже ростом, сутулее. С глазами старой собаки, которая слишком много раз провожала хозяев на кладбище. Он обнял Исабель. Неловко. Прижимая слишком сильно, словно проверяя, не рассыплется ли она от прикосновения, не превратится ли в пепел. Обнимал потерю. Тридцатилетний долг, который внезапно пришел отдавать сам. — Я думал, ты умерла, — прошептал он в её волосы. — Для нас. В тот день, когда отец закрыл за тобой ворота. Мертвых легко любить. Их не нужно кормить, им не нужно уступать кресло, их мнение не мешает спать по ночам. Живых приходится ждать. Каждый чертов день.

Тридцать лет я накрывал тебе место за столом, зная, что вилка останется девственной. Это больше похорон. Потому что похороны заканчиваются. А ожидание живых — нет. Иса-

бель вдавила брата в свое пальто, впитывая запах его бессонницы, дешевого табака и старых книг. Слова были излишни. Плоть говорила сама за себя. Кровь узнавала структуру другой крови. Вино узнало свой погреб. И тогда открылась тяжелая дубовая дверь. На пороге стояла Кармен. Черный шелк платка поглощал полуденный свет. Седина собрана в такой тугий узел на затылке, что кожа на лице натянулась, обострив высокие андалусийские скулы. Время не испортило Кармен. Оно лишь сделало её окончательной. Каменной. Она посмотрела на дочь. Взгляд длился ровно столько, сколько требуется, чтобы оценить вес чужой души на аптекарских весах. Выгнала. Выжила. Вернулась. Не ради извинений. Ради баланса. Потому что лозу нельзя бросить навсегда. Лоза позовет. Кровь потребует своего. Земля притянет.

Кармен не сделала шага навстречу. Не разомкнула сухих губ для слов «дочь» или «входи». Она просто смотрела, переводя взгляд с лица Исабель на её руки. А потом произнесла одно слово. Сухое, как осенний лист. Строгое. Как приказ хирурга перед ампутацией. — Пой. Исабель замерла. Нейроны отказывались связывать команду и реальность. Но она запомнила. Запомнила намертво. Если Кармен Вальдес тратит единственный звук на слово «пой», значит, молчание предыдущих тридцати лет было лишь паузой в партитуре. Самой важной паузой. Ферментацией горя. Песней, которую прервали на полуслове. И теперь пришло время брать дыхание заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.